

Г.В. ТУМАНЯН

ВЗГЛЯД АКТОРОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ПАРТИСИПАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В рамках исследования предпринята попытка выявить отношение акторов законодательной сферы к партисипативным технологиям принятия публичных решений. Было проведено социологическое исследование в виде анкетирования с открытыми вопросами, в котором приняло участие 70 человек: депутаты различных уровней власти, помощники депутатов, сотрудники аппаратов законодательных органов власти, партийные функционеры, эксперты в области законотворчества и функционирования законодательных органов власти, исследователи законодательной власти.

Ключевые слова: партисипативность, партисипативное управление, государственное управление, публичное управление, гражданское общество, политические мотивы, законодательные органы власти, принятие решений.

THE VIEW OF LEGISLATIVE ACTORS ON PARTICIPATIVE DECISION-MAKING TECHNOLOGIES

Abstract. The study attempted to identify the attitude of legislative actors to participatory technologies of public decision-making. A sociological study was conducted in the form of a survey with open questions, in which 70 people took part: deputies of various levels of government, assistants to deputies, employees of the apparatus of legislative bodies, party functionaries, experts in the field of lawmaking and the functioning of legislative bodies, researchers of legislative power.

Keywords: participation, participatory management, public administration, civil society, political motives, legislative bodies, decision making.

Многочисленные научные исследования направлены на изучение различных аспектов функционирования партисипативных технологий в деятельности органов законодательной власти и их восприятия гражданами. Однако можно заметить выраженную немногочисленность исследований, направленных на выявление отношения депутатов и их помощников, сотрудников аппаратов законодательных органов, партийных функционеров,

---

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович — аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, куратор Экспертного клуба «Дигория», г. Москва

отраслевых экспертов и исследователей к партисипативным технологиям, применяемым или не применяемым законодательной ветвью власти. При таком подходе обычно формируется неполная картина функционирования технологий вовлечения граждан в процессы принятия публичных решений, что может привести к некорректному формированию практик демократии участия при обращении ответственных лиц к научной литературе и экспертным оценкам.

Несмотря на недостаточное количество соответствующих исследований, партисипативность стала важным трендом в современном публичном управлении [1, с. 40]. Данная управленческая технология является следствием глубоких трансформаций общественных отношений [2, с. 66–77], которые привели к высвобождению у людей ресурсов для участия в политических процессах [3, с. 176–177].

Она предполагает вовлечение граждан в разработку и реализацию публичных решений [4, р. 2024–2033], что во многих ситуациях позитивным образом отражается на итоговых результатах деятельности органов власти [5]. Кроме того, партисипативные практики положительно влияют на прозрачность принимаемых решений [6, р. 675–696], уровень доверия к органам власти [7], ускоренную реализацию реформ [8, р. 168–186] и качество жизни граждан [9, р. 327–341], выступая в роли эффективного механизма формирования согласия и консолидации в обществе [10].

Материалы и методы исследования

С целью изучения отношения акторов законодательной сферы к технологиям гражданского участия в период со 2 по 23 сентября 2024 года было проведено социологическое исследование. В нем приняли участие 70 акторов законодательной сферы: депутаты различных уровней власти; помощники депутатов, сотрудники аппаратов законодательных органов власти, партийные функционеры, эксперты в области законотворчества и функционирования законодательных органов власти, исследователи законодательной власти. Гендерный состав респондентов определился в следующем порядке: мужчины – 40 процентов, женщины – 60 процентов.

Таблица 1
Профessionальное сегментирование респондентов

Род деятельности	Количество респондентов (человек)	Процент от общего числа респондентов (%)	Средний стаж работы в законодательной сфере (лет)
1	2	3	4
Депутаты	13	18,5	18
Помощники депутатов	16	22,9	6

1	2	3	4
Сотрудники аппаратов законодательных органов власти	21	30	7
Партийные функционеры	10	14,3	22
Эксперты законотворческой сферы	6	8,6	13
Исследователи законодательной власти	4	5,7	15

В таблице 1 приведены данные о профессиональном сегментировании респондентов и их разделении на отдельные группы. Самой многочисленной стала группа респондентов «помощники депутатов» – 22,857 процента, а самой малочисленной – группа «исследователи законодательной власти» – 5,714 процента. С целью подтверждения экспертизы респондентов была введена такая категория как «средний стаж работы в законодательной сфере», информация о которой записана со слов опрашиваемых и округлена до единицы (такое решение принято по причине того, что большинство интервьюируемых затруднялось предоставить точные сведения по данному вопросу). При учете среднего стажа по всем категориям респондентов было получено значение – 13,5 лет, что говорит о значительном опыте опрашиваемых.

Тематические блоки исследования были подобраны исходя из его направленности и подробно раскрывают тему. К задачам исследования можно отнести: выявление отношения акторов законодательной сферы к партисипативному управлению и отдельным партисипативным технологиям; выявление предпочтений акторов в части реализации партисипативных технологий; сбор данных об эффективности или неэффективности отдельных партисипативных технологий; выявление уровня поддержки практик, реализуемых в онлайн- и офлайн-форматах; получение и систематизация практического опыта относительно функционирования партисипативных технологий.

Ниже представлены вопросы, которые были использованы в рамках исследования:

1. Готово ли сегодня общество к активному внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти? Чем мотивирован Ваш ответ?

2. Считаете ли Вы, что сегодня партисипативные технологии доступны всем группам населения? Почему?

3. Какие группы населения, по вашему мнению, недостаточно представлены в партисипативных процессах? С чем это связано?

4. Назовите три положительных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?
5. Назовите три негативных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?
6. Какую партисипативную технологию Вы считаете наиболее предпочтительной в рамках деятельности законодательного органа власти? Почему?
7. Есть ли партисипативные технологии, которые, на Ваш взгляд, могут иметь негативные последствия при реализации законодательным органом власти? С чем это связано?
8. Наиболее эффективные партисипативные практики, реализуемые онлайн или офлайн? С чем это связано?

Результаты исследования

Данные, полученные в ходе анкетирования, были обработаны, систематизированы и проанализированы. В первую очередь, они представлены по каждому вопросу в отдельности, а затем уже по ним сформулированы краткие выводы.

Материалы по вопросу № 1: «Готово ли сегодня общество к активному внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти? Чем мотивирован Ваш ответ?». 72,8 процента респондентов считают, что общественность готова к внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти. Аргументы в пользу внедрения партисипативных практик можно разделить на пять больших групп (здесь и далее группы указаны по мере убывания частоты упоминания ответа):

- интерес со стороны молодежи;
- запрос со стороны граждан на повышение осведомленности;
- повышение политической культуры населения;
- достижение обществом определенного уровня развития;
- необходимость отчетности перед гражданами и запрос на открытость деятельности органов власти со стороны общественности.

Следует отметить, что большинство опрашиваемых указывает на то, что партисипативность становится трендовым явлением, в рамках которого *«модно участвовать в принятии решений»* (26 лет, женщина, помощник депутата), кроме того, такая активность связывается с повышением уровня жизни граждан — *«жизнь стала лучше, комфортнее, зарплаты выше, когда все хорошо, люди тянутся к политике»* (37 лет, женщина, партийный функционер).

Можно отметить и то, что, по мнению участников опроса, государство и общество сами формируют почву для вовлечения граждан в процессы принятия решений через создание различных партисипативных практик: *«молодежь хочет быть в молодежном парламенте, общественники хотят входить в советы при думе»* (25 лет, мужчина, помощник депутата);

«как-то приходили пенсионеры, которые видели в Интернете статью про общественные обсуждения в одном из регионов; они так впечатлились, что начали требовать того же и у нас» (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); «избиратели хотят все знать, и мы им даем возможности, ведем социальные сети, рассказываем о работе в СМИ и на телевидении» (44 года, мужчина, депутат).

В свою очередь, 27,2 процента респондентов считают, что общественность не готова к внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти. В данном случае их аргументы можно разделить на пять больших групп: неосознанное участие; высокий уровень подверженности влиянию третьих лиц; ограниченность ресурсной базы для реализации принятых гражданами решений; неготовность общества к получению рычагов политического влияния; консервативность.

Анкетируемые часто указывают на отсутствие политической культуры или ее низкий уровень у граждан, что формирует их подверженность манипуляциям со стороны различных заинтересованных сторон: *«многие, особенно в малых населенных пунктах, деревнях, селах не готовы ни к какой партисипативности; люди там доверчивые, они даже не представляют, как ими могут манипулировать»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы).

Некоторые заостряли внимание на том моменте, что многие граждане принимают участие в партисипативных практиках исключительно из чувства любопытства, а их неосознанный выбор может исказить реальное положение дел: *«заходят в опросник, на первые вопросы отвечают искренне, затем в полях ответов появляются наборы букв и символов; очевидно, что человек отвечал по инерции, чтобы дойти до конца»* (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); *«с петициями всегда всё сложно, доверчивые люди ставят подписи, а органы власти затем обязаны заниматься вместо реальной работы рассмотрением петиций с настоящими, но неосознанными подписями»* (57 лет, женщина, депутат).

Практика показывает, что можно найти случаи коллективного вмешательства в партисипативные процедуры с целью их осознанного или неосознанного срыва: *«я слышала про случай, когда на онлайн-голосовании по выбору общественного пространства, студенты решили поиграться и организовали массовое голосование за один из вариантов, который был наименее интересным и примечательным из всех. Да и вся загвоздка в том, что голосование проходило в другом регионе. Побаловались студенты.»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

Как правило, на ограниченность ресурсной базы для реализации принятых гражданами решений указывают законодатели, которые по итогам партисипативных процедур обязаны работать с рекомендованными гражданами решениями: *«надо иметь специальные знания или хотя бы образование, чтобы принимать решения, влияющие на бюджетные отношения»* (34 года, мужчина,

депутат); «люди обсуждают что-то, озвучивают свои пожелания, но денег на это нет, не предусмотрено бюджетом» (45 лет, мужчина, депутат); «для нас проблема всегда заключалась в быстром разочаровании избирателей от отсутствия конкретных действий на их запросы» (57 лет, женщина, депутат); «в отсутствие необходимых ресурсов люди просто не верят» (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы).

* * *

Материалы по вопросу № 2: «Считаете ли Вы, что сегодня партисипативные технологии доступны всем группам населения? Почему?». 32,85 процента респондентов полагают, что сегодня партисипативные технологии доступны широкому кругу граждан. Суждения опрашиваемых, считающих, что все группы населения имеют возможность принимать участие в партисипативных практиках, мы разделили на следующие группы:

- информационная доступность;
- высокий уровень цифровизации;
- клиентоцентричность органов власти;
- разнообразие партисипативных практик;
- отсутствие политических барьеров.

Люди в целом настаивают на развитии институтов современного публичного управления, которые имеют высокий уровень клиентоцентричности, выражаящийся в создании условий для комфортного участия граждан в процессах принятия решений. Подавляющее большинство респондентов указывает на информационную открытость органов власти, своевременное наполнение сайтов, социальных сетей и мессенджеров парламентов: «мы анонсы мероприятий и на сайт даем, и в Telegram выкладываем, кто хочет, смотрит» (45 лет, мужчина, депутат); «соцсети – это святое, сейчас все информацию получают именно там» (63 года, женщина, исследователь законодательной власти); «каждый шаг депутата выкладывается на сайте ВКонтакте, дума также освещает свою деятельность по всем доступным каналам» (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы).

При этом участники анкетирования также ссылаются на высокий уровень цифровизации как деятельности органов власти: «без цифровизации сейчас никуда» (44 года, мужчина, депутат), так и присутствия граждан на всех возможных платформах: «граждане предпочитают регистрироваться везде, где это только можно сделать» (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Интересно, что часть респондентов связывает разнообразие партисипативных практик с отсутствием политических барьеров, указывая на то, что законодательные органы готовы к гражданскому участию и создают для этого различные условия, следовательно, власть хочет слушать граждан и никак не ограничивает демократию участия: «у избирателя много возможностей высказаться, его всегда выслушают, обязаны выслушать» (28 лет, женщина,

эксперт законотворческой сферы); «депутатский корпус положительно относится к инициативам граждан, не вижу преград, которые мешали бы их озвучивать» (31 год, женщина, помощник депутата); «нельзя ограничивать избирателей в возможности высказаться. Я всегда руководствовалась этим в работе, знаю, что этот принцип важен и для депутатов» (49 лет, женщина, партийный функционер).

В свою очередь, 67,15 процента опрашиваемых считают, что партиципативные технологии сегодня не доступны широкому кругу граждан. Аргументацию респондентов, считающих, что не все группы населения имеют возможность принимать участие в партиципативных практиках, можно сгруппировать следующим образом:

- недостаточный уровень информационного освещения деятельности органов власти и депутатов;
- цифровое неравенство;
- сложности с вовлечением людей с ограниченными возможностями;
- лимитированное количество участников отдельных практик;
- ограничения географического характера.

В рамках данного вопроса складывается довольно интересная картина в части самокритики акторов законодательной сферы. Многие респонденты связывают недостаточный уровень информационного освещения деятельности органов власти с пробелами в работе как органов власти, так и депутатов, их помощников и политических партий. Ответы респондентов можно объединить в несколько групп:

- отсутствие интереса со стороны депутатов к ведению социальных сетей и мессенджеров;
- нехватка профильных отделов и сотрудников в аппаратах органов власти, партий и у самих депутатов;
- большой уровень нагрузки помощников депутатов;
- нехватка бюджетных ресурсов на дизайн, продвижение, таргетинг и качественное сопровождение социальных сетей;
- дефицит знаний и компетенций в информационной сфере у депутатов и их помощников;
- большая формализованность каналов коммуникации органов власти, влекущая к отторжению со стороны граждан;
- низкий уровень интереса со стороны СМИ и лидеров мнений к повестке социальных сетей и мессенджеров органов власти.

Стоит отметить, что в экспертной среде относительно этого вопроса бытует идея, что проблема может быть решена через более активное привлечение депутатского корпуса к ведению личных социальных сетей. На сегодняшний день не все парламентарии склонны к освещению своей работы, а часть из них не имеет для этого специальных навыков, что приводит к недостаточности распространения информации или низкому качеству ее подачи: «людям важна искренность» (31 год, мужчина, эксперт законотворческой

сферы); «контент низкого качества в соцсетях парламентария приводит к отпискам подписчиков, они предпочтут читать про условного Трампа, не-жели изучать скучный отчет о работе своего депутата» (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы); «если процентов 50–70 депутатов вели бы собственные социальные сети качественнее, то мы не наблюдали бы такого информационного голода со стороны граждан» (57 лет, женщина, исследователь законодательной власти).

Респонденты также указали на то, что несмотря на высокий уровень цифровизации и стремительное развитие информационных сетей, сегодня можно наблюдать некоторое цифровое неравенство, которое более всего относится к некоторым группам населения: пенсионерам, жителям отдаленных населенных пунктов, некоторым национальным меньшинствам, гражданам с низким уровнем доходов.

В частности, отмечается, что цифровое неравенство затормаживает развитие и распространение цифровых сервисов и платформ: «мы не можем полностью уходить в цифру, люди еще не готовы» (44 года, мужчина, депутат).

Интервьюируемые отмечают, что отдельные партисипативные практики закрыты для широкого круга граждан и направлены на вовлечение в управленические процессы определенных групп населения или экспертного сообщества: «консультативные советы нельзя сильно раздувать, есть риск превратить их из экспертного органа в площадку общественных обсуждений» (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); «есть объективные причины для существования узконаправленных партисипативных практик, объять необъятное невозможно» (57 лет, женщина, депутат); «каждый должен быть экспертом в своем направлении» (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

По поводу ограничений географического характера, то есть, сложности вовлечения в партисипативные практики жителей отдаленных населенных пунктов мнения респондентов разделились. Некоторые участники исследования высказывали мнение, что жители отдаленных населенных пунктов еще не обладают достаточной политической культурой для вовлечения в партисипацию «им там вовсе не интересно, что происходит сейчас в областном центре» (26 лет, женщина, помощник депутата), другие же отмечали, что вся проблема в отсутствии у власти инструментов вовлечения граждан «мы не научились слушать глубинку и вовлекать ее в политическую работу» (64 года, мужчина, депутат).

* * *

Материалы по вопросу № 3: «Какие группы населения, по вашему мнению, недостаточно представлены в партисипативных процессах? С чем это связано?». Здесь варианты ответов оказались довольно многочисленными, респонденты приводили в пример от двух до шести категорий граждан. Полученные результаты были обработаны, кластеризованы и проанализированы.

Таблица 2

**Группы граждан с низким уровнем участия
в партисипативных практиках**

№	Группа населения	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
			4
1	Граждане с ограниченными возможностями	32	Респонденты обращали внимание на сложности в части мобильности данной группы граждан и их мотивации к участию в процессах принятия решений. Отмечается, что органы власти систематически проводят работу для повышения инклюзивности, однако такая работа встречает объективные сложности, связанные с ограничениями физического характера. Граждане из этой категории, которые обладают соответствующими возможностями, предпочитают онлайн-форматы партисипации.
2	Граждане с низким уровнем доходов	30	Респонденты считают, что к участию в партисипативных практиках, как правило, готовы граждане, которые имеют стабильные доходы. Вовлечение малоимущих людей осложняется отсутствием с их стороны заинтересованности в процессах совместного принятия решений. Кроме того, некоторые респонденты отмечают, что у этой категории граждан часто формируется аполитичность и недоверие к государственным институтам.
3	Жители отдаленных населенных пунктов	27	Часть респондентов склонна полагать, что низкий уровень вовлекаемости этой категории связан с низким уровнем политической культуры в отдаленных населенных пунктах. Другая часть считает, что проблемы находятся в плоскости мобильности граждан и их неготовности создавать сложные или дорогостоящие логистические цепочки ради участия в партисипативных практиках. Кроме того, присутствует мнение, что есть сложности в части цифрового неравенства среди этой категории граждан.

1	2	3	4
4	Пенсионеры	24	Респонденты аргументировали свои ответы тем, что граждане пенсионного возраста часто имеют ограничения физического характера, которые осложняют вовлечение в процессы принятия решений. Ряд респондентов акцентировал внимание на том, что обычно граждане из этой группы испытывают сложности при использовании органами власти онлайн-практик. Среди респондентов существует мнение, что пенсионеры часто стереотипизируют работу органов власти, что негативно сказывается на их участии в партисипативных практиках.
5	Некоторые национальные и религиозные меньшинства	15	Сложности с вовлечением этой категории граждан связаны с поддержанием ими традиционного уклада жизни, который минимизирует или вовсе отвергает участие в публичных политических процессах.
6	Молодежь	12	Респонденты отмечают, что вовлекаемость молодежи часто находится на низком уровне, так как органы власти не могут заинтересовать молодых людей. И что основная причина заключается в низком уровне подготовки контента, размещаемого в социальных сетях и мессенджерах органов власти. Также предполагается, что некоторых молодых людей отталкивают бюрократические процедуры и стереотипизация деятельности органов власти.
7	Представители различных субкультур	10	Многими респондентами отмечается, что представители субкультур не заинтересованы в участии в партисипативных практиках, исходя из личных предубеждений или правил, сложившихся в рамках конкретной субкультуры.

В таблице 2 приведены группы граждан, которые чаще всего упоминались респондентами как имеющие наименьшую представленность в партисипативных процессах. Описаны данные по 7 категориям граждан, которые набрали более 10 упоминаний в рамках опроса.

* * *

Материалы по вопросу № 4: «Назовите три положительных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?». В рамках этого вопроса было озвучено 240 характеристик, которые были обработаны, кластеризованы и проанализированы. Полученные ответы были объединены в 11 различных групп.

Таблица 3
Положительные аспекты партисипативного управления

№	Характеристика	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
1	2	3	4
1	Повышение уровня доверия к органу власти	51	Участвуя в принятии решений, граждане более доверительно относятся к деятельности органов власти.
2	Увеличение вовлеченности граждан в политические процессы	40	Партисипативные практики часто геймифицируются, что создает дополнительный интерес для граждан. Кроме того, граждан мотивирует чувство собственной нужности, полезности и возможность некоего влияния на принятие решений.
3	Повышение уровня одобрения гражданами решений органов власти	38	Граждане лучше относятся к решениям, принятым с учетом мнения населения и при его активном вовлечении в принятие этих решений.
4	Повышение качества решений	25	Привлечение представителей экспертного сообщества к работе консультативных органов положительно влияет на качество принимаемых решений. Отмечается, что граждане часто инициируют интересные и креативные решения.
5	Увеличение прозрачности и открытости деятельности органов власти	20	Использование партисипативных практик приводит к большей информационной открытости органов власти вследствие активного ведения их социальных сетей и мессенджеров. Повышение внимания к деятельности органов власти ведет к формированию такой среды, где представители власти инициируют процессы, которые формируют более прозрачную деятельность.

1	2	3	4
6	Инклюзивность принимаемых решений	17	При принятии решений учитываются мнение и инициативы широкого круга лиц, представляющих различные группы населения.
7	Принятие решений осуществляется исходя из общественных запросов	14	Органы власти лучше понимают запросы общества и его отношение к различным вопросам, так как находятся в прямой коммуникации с гражданами.
8	Формирование гражданского общества	11	Привлечение широкого круга граждан к реализации партисипативных практик улучшает уровень политической культуры населения и положительно влияет на формирование гражданского общества.
9	Формирование сообществ гражданских активистов	10	При систематическом участии в партисипативных практиках общение граждан часто переходит в личностную плоскость, создаются дружеские связи, которые постепенно формируют сообщества гражданских активистов.
10	Дебюрократизация органов власти	8	Необходимость вовлечения граждан в партисипативные практики требует снижения уровня бюрократии в органах власти.
11	Повышение политической культуры граждан	6	При участии в некоторых партисипативных практиках граждане обязаны заранее ознакомиться с соответствующими нормативными правовыми актами, изучить обсуждаемые вопросы.

В таблице 3 приведены положительные аспекты партисипативного управления, собранные в 11 групп. По совокупному количеству ответов лидируют три характеристики: повышение уровня доверия к органу власти; усиление вовлеченности граждан в политические процессы; рост одобрения гражданами решений органов власти. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что респонденты преимущественно апеллировали к аспектам, являющимся положительными в первую очередь для органов власти, нежели для граждан.

* * *

Материалы по вопросу № 5: «Назовите три негативных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?». На этот вопрос было получено 240 ответов, которые были обработаны, кластеризованы, проанализированы и объединены в 12 различных групп.

Таблица 4
Негативные аспекты партисипативного управления

№	Характеристика	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
1	2	3	4
1	Низкая вовлеченность граждан	39	Несмотря на растущую популярность партисипативных практик, широкая общественность еще не вовлечена в процессы принятия решений. Нет единых подходов и механизмов, которые обеспечивали бы широкую представленность большого количества групп населения и инклюзивность принимаемых решений.
2	Подверженность граждан манипуляциям	34	Участники партисипативных практик часто подвергаются внешнему воздействию со стороны различных интересантов, пытающихся решить вопрос в свою пользу.
3	Невозможность реализации предлагаемых гражданами решений и инициатив	28	Граждане предлагают инициативы, исходя из собственного видения вопросов, мировосприятия и знаний, в то время как принятие решения требует специальных знаний и навыков.
4	Склонность граждан к стереотипизации органов власти	25	Некоторые группы населения имеют шаблонное представление об органах власти и их деятельности, что негативно влияет на процесс партисипации.

1	2	3	4
5	Ограниченност ресурсов	22	Инициативы граждан не соотносятся с реально имеющимися финансовыми, административными или политическими ресурсами органов власти.
6	Отсутствие специальных знаний и навыков у граждан	19	Участники партисипативного процесса могут не обладать знаниями, необходимыми для обсуждения и принятия решений, что приводит к конфликтным ситуациям между гражданами, а также между гражданами и органами власти.
7	Неравномерность представленности граждан	18	Некоторые группы населения не могут принимать активного участия в партисипативных практиках, следовательно, падает качество партисипативной процедуры и уровень удовлетворенности населения принимаемыми решениями.
8	Делегирование ответственности за принятые решения исключительно на орган власти	14	Граждане в процессе партисипативного управления не разделяют ответственность за принимаемые решения с органом власти. По этой причине представители власти могут настороженно относиться к партисипативности, а граждане, не чувствуя ответственности, предлагать нереалистичные решения.
9	Сложность достижения консенсуса среди участников партисипативного процесса (взаимодействие гражданин-гражданин)	12	В отличие от акторов, представляющих политическую среду и органы власти, граждане не связаны друг с другом обязательствами или необходимостью соблюдения политического баланса. По этой причине наблюдается низкий уровень договороспособности и сложности принятия консенсуальных решений.

1	2	3	4
10	Гиперпредставленность гражданских активистов	10	В партисипативной практике может сформироваться ситуация, где большинство ее участников являются гражданскими активистами, что негативно влияет на инклузивность, а решение не будет учитывать мнения широкой общественности. Кроме того, может сформироваться ситуация, когда гражданские активисты, преследующие единые цели, мобилизуются с целью обеспечения перевеса в голосованиях.
11	Демотивация граждан и разочарованность при недостижении консенсуса с органом власти (взаимодействие гражданин-орган власти)	10	Отсутствие специальных знаний у граждан может привести к некорректному восприятию обсуждаемого вопроса и инициированию недостижимых решений. В данном случае органы власти по объективным причинам отказываются от решений, предлагаемых гражданами, что негативно отражается на отношении граждан к институтам власти.
12	Риск формирования псевдопартисипативной среды	9	Органы власти и их отдельные представители могут реализовывать деятельность, направленную на формирование образа властного института, принимающего решения с использованием партисипативных технологий, но не быть таковым. Такие практики являются лишь формальностью, никак не влияют на принятие реальных решений, могут приводить к разочарованию граждан деятельностью органов власти.

В таблице 4 приведены негативные аспекты партисипативного управления, собранные в 12 групп. По совокупному количеству ответов лидируют: низкая вовлеченность граждан; подверженность граждан манипуляциям; невозможность реализации предлагаемых гражданами решений и инициатив.

Исходя из полученных результатов можно сделать следующий вывод: респонденты склонны считать, что уровень политической культуры у граждан находится на довольно низком уровне. Интересным результатом исследования является выявление такой группы ответов как «риск формирования псевдопартиципативной среды». Эта категория получила наименьшее значение, однако, проблематика данного аспекта практически не обсуждается в общественном или научном дискурсе, что создает предпосылки для дальнейшего его изучения.

* * *

Материалы по вопросу № 6: «Какую партиципативную технологию Вы считаете наиболее предпочтительной в рамках деятельности законодательного органа власти? Почему?». На этот вопрос было получено 70 ответов. Они, так же как и ответы на предыдущие вопросы, обработаны, кластеризованы, проанализированы и сгруппированы.

Таблица 5

**Наиболее предпочтительные партиципативные технологии
(по мнению представителей законодательной сферы)**

№	Характеристика	Частота упоминания
1	Экспертно-консультативные (совещательные) органы при органах власти	20
2	Общественные обсуждения	15
3	Социальные сети и мессенджеры органов власти	12
4	Опросы	11
5	Право законодательной инициативы граждан	7
6	Петиции	4

Участники опроса чаще всего отмечали, что экспертно-консультативные (совещательные) структуры при органах власти являются самой предпочтительной партиципативной технологией, обосновывая это тем, что в работе совещательных организаций принимают участие «состоявшиеся эксперты» (25 лет, мужчина, помощник депутата), «люди с подготовкой» (57 лет, женщина, депутат), «отобранные люди» (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы), «качественные участники» (49 лет, женщина, партийный функционер). Здесь важно отметить и то, как респонденты характеризовали данную технологию: «самая эффективная из всех, на нее не жалко потратить время» (64 года, мужчина, депутат), «часто слышу там полезные и правильные рассуждения» (57 лет, женщина, депутат).

Общественные обсуждения характеризовались респондентами довольно интересным образом: некоторые полагают, что это — место, где можно сформулировать конструктивные решения: «*в спорах рождается истина*» (37 лет, женщина, партийный функционер), «*бываю хорошие предложения, которые не стыдно взять в работу*» (44 года, мужчина, депутат), а другие отмечают, что их основная функция сводится к подавлению гражданского недовольства: «*недовольные придут, выскажутся, им станет легче, что были услышаны*» (26 лет, женщина, помощник депутата) и протестного потенциала: «*вот если было бы обсуждений больше, то протестов было бы меньше; надо нам научиться предоставлять людям площадки для диалога*» (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы).

Респонденты исходили из того, что коммуникация с гражданами через социальные сети и мессенджеры органов власти является одним из приоритетов для большинства государственных институтов: «*сейчас везде говорят про необходимость вести социальные сети*» (21 год, женщина, помощник депутата); «*информации вокруг очень много, избиратель должен видеть и нашу работу*» (34 года, мужчина, депутат); «*надо быть на одной волне с гражданами, это тренд*» (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Однако существует и такое мнение, что органам власти только предстоит овладеть этой технологией: «*мы еще не научились делать так, как нравится людям*» (34 года, мужчина, депутат), а существующий уровень информационной политики для большинства населения недостаточен: «*гражданам интересны другие форматы получения информации, но мы учимся*» (38 лет, женщина, помощник депутата).

Относительно опросов респонденты высказывались так: это хороший способ получения «*быстрой социологии*» (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); они позволяют «*держать руку на пульсе*» (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); и «*чувствовать колебания общественного мнения*» (46 лет, мужчина, исследователь законодательной власти). Отмечалось, что использование данной технологии через каналы коммуникации органа власти позволяет сэкономить финансовые ресурсы: «*мы начали тратить меньше денег, чем раньше*» (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Право законодательной инициативы граждан оказалось одной из наименее предпочтаемых партиципативных технологий. Наряду с этим, респонденты отмечали, что эта технология является «*началом всех начал*» (39 лет, женщина, депутат) и отражением «*чистой демократии*» (29 лет, мужчина, партийный функционер). Присутствует мнение, что эта технология может быть «*серьезным шагом к становлению гражданского общества*» (57 лет, женщина, исследователь законодательной власти) и «*мотивирующим фактором для участия в работе органа власти*» (35 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

По мнению опрошенных, петиции — это наименее востребованная партисипативная технология. Позитивной характеристикой оказалось то, что петиции «создают общественный резонанс» (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти) и «могут обратить внимание на важные и чувствительные для общества вещи» (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

* * *

Материалы по вопросу № 7: «Есть ли партисипативные технологии, которые, на Ваш взгляд, могут иметь негативные последствия при реализации законодательным органом власти? С чем это связано?».

Около 80 процентов респондентов высказали мнение, что партисипативные технологии не могут нанести вреда работе органов власти: «итоговое слово все равно за парламентом» (44 года, мужчина, депутат); «процессуально всё это контролируется со стороны депутатского корпуса и аппарата» (31 год, женщина, помощник депутата); «обычно проблем не возникает, бывают конфликтные граждане, но это, скорее, исключение, нежели правило» (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

Примерно 17 процентов участников опроса сочли, что негативные последствия может иметь такая партисипативная технология, как право законодательной инициативы граждан. Это мнение аргументировалось тем, что граждане часто могут подвергаться различным манипуляциям: «люди у нас доверчивые» (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти), подписывать инициативы ради получения тех или иных благ: «на улице подошел с подписным листом, дал денег или подарочный набор; вот и все, подпись получена» (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы) или без погружения в проблематику вопроса: «не вникая подписывают» (64 года, мужчина, депутат). Именно поэтому такая технология может стать довольно опасным инструментом в руках лоббистов или заинтересованных лиц. Респонденты указывали на то, что законотворческий процесс требует специальных знаний, которых, как правило, нет у рядовых граждан, а предоставление такой возможности гражданам может «заблокировать работу аппарата, который будет обязан все это рассматривать» (37 лет, женщина, партийный функционер).

Отдельные респонденты (около 3%) отметили, что негативные последствия могут быть от использования такой технологии как петиции. Обоснование по этой группе ответов было практически идентичным тому, что было озвучено относительно права законодательной инициативы граждан: «люди часто не знают, что поддерживают» (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); «сомневаюсь, что это рабочий инструмент, гражданами манипулируют через создание образов и качественный текст» (57 лет, женщина, депутат).

* * *

Материалы по вопросу № 8: «Наиболее эффективны партисипативные практики, реализуемые онлайн или офлайн? С чем это связано?».

Почти 63 процента респондентов считают, что онлайн-практики эффективнее своих онлайн-аналогов. Они указывают на то, что *«люди устали от Интернета, они хотят живого общения»* (37 лет, женщина, партийный функционер), кроме того, есть мнение, что такой эффект наблюдается в постпандемийный период: *«после коронавируса граждане начали резко тяготеть к общению лицом к лицу»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти). Ответы аргументировались тем, что онлайн-практики имеют *«наиболее качественную проработку»* (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы), а также, что они *«эффективнее онлайновых аналогов; есть дискуссия, можно увидеть эмоции и реальных людей»* (49 лет, женщина, партийный функционер).

В то же время около 37 процентов респондентов высказали мнение, что онлайн-практики эффективнее очных. Этот ответ был мотивирован следующими фактами: *«они обходятся дешевле, нет смысла тратить лишние бюджетные деньги»* (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); *«организационно, конечно, выигрывает онлайн-формат, это удобнее и проще»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); *«нам так легче собрать граждан в одном месте, никто не хочет лишний раз тратить время и куда-то идти»* (45 лет, мужчина, депутат); *«больше людей сможет принять участие в обсуждениях; к примеру, те же жители районов точно не стали бы приезжать»* (44 года, мужчина, депутат).

Выводы

В рамках исследования удалось выявить отношение представителей законодательной сферы к партисипативным практикам. Хотя нужно принять во внимание то, что приведенные в исследовании суждения отражают мнение отдельных респондентов.

Результаты опроса говорят о том, что опрашиваемые, как правило, предпочтют использовать в своей деятельности партисипативные практики, реализуемые в онлайн-формате. Они склонны считать, что большей эффективностью обладают те технологии, где в процессы принятия решений вовлекается небольшая группа граждан, обладающая экспертными или специальными знаниями. А такие партисипативные технологии, как законотворческая гражданская инициатива и петиции, могут иметь негативные последствия и нуждаются в контроле со стороны законодателей. Большинство респондентов склонны считать, что партисипативные практики не могут иметь негативных последствий, так как общественность не обладает нормативно закрепленными инструментами давления на законодателей, которым принадлежит итоговое слово при принятии решений.

Список литературы

1. Лаврикова А.А. Партиципативный тренд в публичной политике: факторы реализации // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2020. Т. 14. № 2.
2. Мартынова С.Э. Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.
4. Gonzalez R., Llopis J., Gasco J. Innovation in public services: The case of Spanish local government. Journal of Business Research. 2013. № 66.
5. Weymouth R., Hartz-Karp J., Marinova D. Repairing Political Trust for Practical Sustainability // Sustainability. 2020. № 17. Article № 7055.
6. Theesfeld I., Dufhues T., Buchenrieder G. The effects of rules on local political decisionmaking processes: How can rules facilitate participation? Policy Science. 2017. № 50. DOI 10.1007/s11077-017-9284-2.
7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. спольск. С.М. Червонной. М.: Логос. 2005.
8. Fox C. Political Authority, Practical Identity, and Binding Citizens. International Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 23, № 2.
9. Pirralha A. Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. Applied Research Quality Life. 2017. № 12. DOI 10.1007/s11482-016-9463-x.
10. Cantoni F., Mori E., Veneziani R., Zuffada E. Strengthening Resilience Through Participatory Development of «Life and Social Skills» In Flood Management // City Cult Soc. 2020. Article № 100358.